

Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая) / Н. С. Чижов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 298—326. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326.

Chizhov, N. S. (2021). Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (Article Two). *Nauchnyi dialog*, 10: 298-326. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая)

Чижов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0001-7636-0780
кандидат филологических наук
старший преподаватель
n.s.chizhov@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-112-50384 «Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении»

Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (Article Two)

Nicolay S. Chizhov
orcid.org/0000-0001-7636-0780
PhD in Philology
Senior Lecturer
n.s.chizhov@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 20-112-50384 “Soviet poetic underground in critical and scientific coverage”

© Чижов Н. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор научно-критических работ, посвященных изучению советской неподцензурной поэзии как историко-литературного явления в целом и творчества ключевых ее персоналий, в частности. Актуальность работы обусловлена малоизученностью данного сегмента русской литературной критики XX века и необходимостью систематизации накопленного опыта оценки и интерпретации андеграундной поэтической культуры с целью выявления перспективных направлений дальнейшего ее научного освоения. В статье акцентировано внимание, во-первых, на оценке самиздастовской критикой творчества неподцензурных поэтов 1980-х годов. Охарактеризованы такие особенности их художественного письма, как культуроцентричность, имперсональность, автономность поэзии вследствие отказа от «аристотелевского мимесиса» и переориентации поэтического высказывания на «сам язык» и др. Во-вторых, рассмотрено формирование в научно-критическом дискурсе постмодернистской концепции развития русской литературы, в свете которой такие андеграундные стилевые течения, как «метареализм» и «концептуализм», представлены в качестве наиболее репрезентативных явлений поэтического постмодернизма. В-третьих, обозначено, что в литературоведении 2000—2010-х годов предложен ряд научных концепций, ограничивающих исследовательское поле применения постмодернистской теории к русской поэзии второй половины XX века («неомодернизм», «трансавангард», «постреализм»). В-четвертых, определяется, что освоение наследия советского поэтического андеграунда в современной науке о литературе происходит прежде всего с позиции системного изучения поэтики и аксиологии творчества nonконформистских поэтов и выявления генетических связей их поэзии с русской модернистской и авангардистской традицией начала XX века.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An overview of scientific and critical works devoted to the study of Soviet uncensored poetry as a historical and literary phenomenon in general and the work of its key personalities, in particular is presented in the article. The relevance of the work is due to the lack of study of this segment of Russian literary criticism of the 20th century and the need to systematize the accumulated experience of evaluating and interpreting underground poetic culture in order to identify promising directions for its further scientific development. The article focuses, first, on the samizdat criticism of the uncensored poets of the 1980s. Such features of their artistic writing as culture-centricity, impersonality, autonomy of poetry due to the rejection of the “Aristotelian mimesis” and the reorientation of the poetic utterance to “the language itself”, etc. are characterized. Secondly, the author considers the formation in the scientific-critical discourse of the postmodernist concept of the development of Russian literature, in the light of which such underground style movements as “metarealism” and “conceptualism” are presented as the most representative phenomena of poetic postmodernism. Thirdly, it is indicated that in literary criticism of the 2000s-2010s, a number of scientific concepts were proposed that limit the research field of application of postmodern theory to Russian poetry of the second half of the 20th century (“neomodernism”, “transavant-garde”, “postrealism”). Fourth, it is determined that the development of the legacy of the Soviet poetic underground in modern literary science occurs primarily from the standpoint of a systematic study of the poetics and axiology of the work of nonconformist poets and the identification of the genetic links of their poetry with the Russian modernist and avant-garde tradition of the early 20th century.

Ключевые слова:

научный обзор; самиздат; неподцензурная поэзия; метареализм; концептуализм; постмодернизм; неомодернизм; трансавангард.

Key words:

scientific review; samizdat; uncensored poetry; meta-realism; conceptualism; postmodernism; neo-modernism; trans-avant-garde.

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая)

© Чижов Н. С., 2021

1. Введение

Основной целью нашего исследования, результаты которого излагаются в двух статьях, является научный обзор существующего дискурса о феномене советского поэтического андеграунда, его структурных и категориальных сторонах и особенностях. В первой статье были рассмотрены проблемы периодизации андеграундной поэзии, ее самоназвания и самосознания в литературно-критическом осмыслении, дано системное описание важнейших стратегий художественного развития и творческого поведения неконформистских поэтов в 1960—70-х годах.

Во второй статье в рецепции литературной критикой неподцензурной поэзии акцентированно выявляются основные тенденции творчества ее ключевых представителей в 1980-х годах, а также обозначаются научная рефлексия и развернувшиеся в 1990—2010-х годах дискуссии о роли и месте советского поэтического андеграунда в новейшей русской литературе.

2. Журнальная полемика по проблемам творчества неофициальных поэтов в контексте процесса плюрализации неподцензурной культуры

В 1980-х годах, наряду с концепцией «культурного движения», в неподцензурной поэзии получает развитие идея децентрализации и плюрализации культуры и общества [Эпштейн, 1988, с. 176]¹. Характерно, что на симпозиуме «Пути культуры 60—80-х годов» эта идея в процессе дискуссии была осмыслена Б. Ивановым как важнейшая характеристика 1980-х годов, обусловленная процессом формирования умения «относиться к различиям между людьми не как к непримиримым противоречиям, а как к богатству» [Иванов и др., 1986, с. 233]. Отметим, что одним из источников идеи плюрализма культуры и ее языка описания являются западные постструктуралистские учения, хорошо известные в неподцензурной среде [Эпштейн,

1 В более ранних публикациях Б. Иванов, преимущественно в 1970-х годах, подчеркивал неиерархичность культурного движения, отсутствие у него четко выраженной идеологии, открытость будущему, несхатологичность, стремление выйти в пространство мировой культуры. Данные характеристики призваны были обозначить важнейший этап свободного самовыражения андеграундных авторов в процессе обретения духовной и творческой идентичности.

2005, с. 183; Останин, 1988, с. 271]. В этом отношении показательна полемика, развернувшаяся в 32—33 номерах журнала «Транспонанс» (г. Ейск). В. Кривулин в интервью Д. Волчеку охарактеризовал творчество трансфуристов как сделанное «слишком или недостаточно плохо, чтобы выставлять» [Интервью ..., 1985]. Ры Никонова ответила следующим замечанием: «Можно сколько угодно повторять имена Деррида и Делеза, продолжая при этом мыслить в допотопных категориях» [Никонова и др., 1986, с. 94—95]. И дальше критик «Транспонанса» подчеркивает, что выражение «плохо сделано», применяемое В. Кривулиным к творческой продукции Никоновой и Сигея, «свидетельствует о господствующем в его сознании образе дерева, как необходимом основании механизма власти» [Там же]. Последнее указывает, по мнению Ры Никоновой, на наличие в ленинградской неподцензурной культуре словесного творчества «заградительных тенденций, и даже заградительной фразеологии, плавно соскользнувшей из официальной литературы <...> в неофициоз» [Никонова и др., 1986, с. 96]. Однако сам В. Кривулин, судя по представленным в самиздатской периодике высказываниям, считал ситуацию идейного противостояния между различными литературными объединениями, отстаивающими «свои интересы как единственные», необходимым условием (по западному образцу) того, чтобы «жизнь в ее, так сказать, “броуновском движении”» стала «подлинной жизнью — цветением культуры» [Иванов и др., 1986, с. 220].

Обозначенные концепции и идеи, определяющие стратегии развития неофициальной культуры, получили в 1980-х годах реализацию в виде ряда общественных и творческих инициатив. Речь идет о публикации в издательстве «Советский писатель» (Ленинградское отделение) сборника нонконформистской прозы и поэзии «Круг» и об открытии в Ленинграде официальных творческих площадок «Клуб-81» и «ТЭИИ», в Москве клуба «Поэзия», где регулярно проводились дискуссии, семинары, конференции, выступления поэтов, джазовые и рок-н-рольные концерты, выставки современной живописи. По понятным причинам эти завоевания «культурного движения» сопровождались столкновением с бюрократической машиной советского государства, тормозящей процесс официальной регистрации и продвижения творческих инициатив [По материалам Регулярных ведомостей, 1985, с. 240—252].

На процесс плюрализации в 1980-х годах андеграундной словесности в форме ее критического осмысления вне границ исключительно локального существования указывает появление такого литературно-критического жанра в самиздатской периодике, как рецензия в виде обзора нонконформистских журналов. Особое внимание в этих статьях, служив-

ших своеобразным «барометром» социокультурных процессов в андеграундной культуре, уделялось стихотворным подборкам и критическим статьям, посвященным ключевым персоналиям в ленинградской, московской и региональной поэзии. Например, в журнале «Транспонанс» было опубликовано больше всего таких обзоров, посвященных отдельным номерам следующих изданий: ленинградские «Грааль» [Никонова, 1984а, с. 121—154], «Обводной канал» [Никонова, 1984б, с. 155—186], «Часы» [Никонова, 1984г, с. 285—319], «Красный шедринец» [Никонова, 1986в, с. 83—86], свердловский «Номер» [Никонова, 1980, с. 55—57] и рижский «Зачем» [Никонова, 1986б, с. 88—92]. В свою очередь в «Часах» обзоревался двадцать пятый номер журнала «Транспонанс» [Фомин и др., 1985, с. 251—272], а также отдельные номера «Митина журнала» и «Вестника совета экологии культуры» [Абрамович, 1988, с. 255—266]. С той и другой стороны отмечались высокий уровень знания у поэтов и критиков русской и мировой литературы, большая эрудиция и способность к сложному теоретизированию. Основные претензии как ленинградских, так и ейских критиков относились к художественной практике поэтов, а именно к ее вторичности по отношению к предшествующей поэтической традиции (условно говоря, модернизму или авангарду), неспособности и нежеланию художников слова выйти из-под влияния последней, приверженности их «проверенным матрицам» [Никонова, 1984б, с. 159] версификации и текстопорождения. По этой причине А. Фомин и Т. Чудиновская предложили называть поэтов-трансфуристов «ретро-футуристами» [Фомин и др., 1985, с. 257], то есть теми, кто строят поэтику своего творчества на основе опыта классического авангарда и используют разработанный более пятидесяти лет назад арсенал авангардистских приемов и техник. Такая оценка шла вразрез с представлениями Ры Никоновой и С. Сигея о собственных задачах художественного творчества, поскольку трансфуристы исходили из того, что любой поэт взаимодействует с традицией, но должен не эксплуатировать «изъезженную до дыр дорогу», а «пользоваться поэтическими конструкциями, едва намеченными в творчестве» разных поэтов, например, таких, «как Зданевич и Чичерин, Гнедов и Крученых, Хлебников и Туфанов, Вагинов и Терентьев и т. д.». В этом отношении они совершенно не были «против воскрешения символистов-акмеистов» в ленинградской поэзии, но только с учетом поиска в них «лакун, которые можно освоить» [Никонова, 1984б, с. 158].

Тенденциозность поэтической критики в «Часах» с акцентированием внимания на «несуществующих проблемах» [Б. Л., 1982, с. 224] отмечалась в полемическом обзоре ленинградской периодики на страницах журнала «Обводной канал» в 1982 году. Такой проблемой автор статьи считает

«религиозный ренессанс» в андеграундной культуре, поскольку, с его точки зрения, «если горстка интеллигентов и художников <...> вдруг обратилась к Богу Истинному, то это вовсе не дает оснований» [Б. Л., 1982, с. 231] для системных выводов и обобщений вне учета культурно-исторического развития русской литературы. Данная статья также интересна тем, что после нее в журнале опубликован комментарий редактора С. Стратановского. По мнению известного ленинградского поэта и издателя, «отсутствие воли к полемике, равнодушно-ироническое приятие (или неприятие, но без всяких культурных следствий) любого суждения, напечатанного на пишущей машинке, и создает ту стертую духовную атмосферу, которая грозит стать характерной чертой независимого культурного движения». Кроме того, отсутствие полемики, как видится им, «лишает культуру внутренней динамики, понижает ее интеллектуальный и художественный уровень» [От редакции, 1982, с. 232]¹.

3. Литературно-критическая рецепция неподцензурной поэзии 1980-х годов: новые горизонты художественного письма

С середины 1980-х годов в самиздатовской периодике также стал развиваться жанр дискуссии по проблемам современной поэзии в формате публичного группового обсуждения или эпистолярного взаимодействия участников. Под таким углом в журналах «Часы», «Митин журнал», «Обводной канал», «Транспонанс» рассматривались генезис и особенности поэтики творчества А. Драгомощенко [Кушев, 1982, с. 178—199], поэтов и прозаиков концептуализма Д. Пригова, Л. Рубинштейна [Переписка, 1982, с. 34—65], А. Бартова [Бутырин и др., с. 183—183, 145—157], поэта-метареалиста А. Парщикова [Споры о поэзии, 1987, с. 279—283.] и др. В данных обсуждениях обозначился разрыв между поэтической практикой и теорией оценки и интерпретации явлений в новейшей поэзии, базирующейся на установлении структурно-типологических закономерностей в русской поэтической культуре XIX—XX веков. Например, с точки зрения Ры Никоновой, концептуализм представляет собой «способ выражения, позволяющий сколлапсировать все художественные особенности какого-либо искусства до уровня схемы-идеи» [Никонова, 1983, с. 11]. Выявление

1 В соответствии с данным программным высказыванием С. Стратановский в восьмом номере «Обводного канала» в эпистолярной форме критически оценивает первый номер литературного тамиздатовского журнала «А-Я» в целом и представленную в нем прозу концептуалиста В. Сорокина, в частности: «Эстетическое кредо журнала декларировано в критических статьях, почти сплошь претенциозных и неумных. Критики наперебой внушают нам, что литература — это чистая игра, не имеющая ни-какого отношения ни к нравственности, ни к совести, ни к судьбе той нации, на языке которой писатель изъясняется» [Стратановский, 1985—86, с. 195].

технологической основы концептуального искусства в форме ключевого принципа-приема дало возможность критику определить его укорененность в авангардной традиции и сопоставить с «поэзотехникой» трансфуристов. С этой позиции поэт-футурист А. Чичерин воспринимается Ры Никоновой в качестве первого концептуалиста, который включает «подробнейшие разработки партитур своих романов в ткань самих романов» [Никонова, 1983, с. 13]. Однако, верно уловив генетическую связь с классическим авангардом, в том числе и на уровне отдельных приемов и технологий, Ры Никонова, по мнению Д. Пригова, не увидела, что концептуализм — «это прежде всего сознание языковое», втягивающее в «силовое поле» поэтического высказывания различные культурные языки. Причем каждый из них, отмечает Д. Пригов, «истинен в пределах своей аксиоматики». Соответственно если для трансфуристов, считает московский поэт, концепт выступает в качестве одного из приемов или суммы приемов, то для концептуалистов — одного из языков [Пригов, 1983, с. 95].

Остановимся еще на одном примере. Во время обсуждения поэмы А. Парщикова «Я жил на поле Полтавской битвы» Б. Иванов предложил рассматривать ее как явление модернистское, исполненное «самых различных стилевых ходов», в основе своей ориентированных на демонтаж ключевого события — «Полтавской битвы», насыщенного «культурным содержанием», с последующим собиранием нового мира «по принципу киндеркунст». Все это сложное построение, несмотря на очевидную «выразительность и чеканку», по мнению Б. Иванова, выглядит весьма эклектичным и оставляет «довольно смутное ощущение» [Споры о поэзии, 1987, с. 279—280]. На отсутствие цельности в поэме А. Парщикова в силу того, что в ней «нет конструктивного принципа, ее организующего», указывает еще один участник дискуссии, поэт С. Стратановский. Основными же конструктивными принципами лироэпического жанра в русской литературе он считает — повествовательность и симфонизм, не получившие выражения в произведении поэта-метареалиста [Споры о поэзии, 1987, с. 281].

Иную стратегию осмысления поэмы А. Парщикова предлагает поэт А. Драгомощенко. Он также отмечает разочарованность, даже раздраженность ленинградской читающей публики «ее “несвязностью”, “разорванностью” и произвольностью» [Споры о поэзии, 1987, с. 281]. Причину этого ленинградский поэт видит в том, что поэма «Я жил на поле Полтавской битвы» не строится по принципу «традиционной линейной структуры со всеми своими удобными сцеплениями, признаки которой как бы брезжат при первом знакомстве с текстом», не выражает привычные формы художественной репрезентации и соответствующие способы мышления и восприятия мира. Поэма представляет собой как в плане выраже-

ния, так и в плане содержания процесс разрушения их в сотворческом взаимодействии сознаний автора и читателя, обретающий формы сакрального (ритуального) расчленения, распредмечивания «поля Полтавской битвы» как пространства Русской словесности — пространства «смерти и языко-рождения» [Споры о поэзии, 1987, с. 283]. Конечной целью представленной в поэме «космогонии», по мнению А. Драгомощенко, является воссоздание новых представлений об искусстве и мире, данных исключительно в горизонте языка, «новых описаний его механизмов и нового отношения к механизмам самого описания» [Споры о поэзии, 1987, с. 286]. Отсюда, с его позиции, барочная избыточность художественного языка, использование поэтом элементов научно-технической знаковости для «выделения новых признаков» [Споры о поэзии, 1987, с. 288] вещей, связей между ними, не опосредованных авторитетными или авторитарными моделями существования человека и культуры [Споры о поэзии, 1987, с. 283—284].

Неопосредованность проделанного А. Парщиковым «эксперимента» с известными представлениями о реальности, выраженными в грамматических конструкциях языка, указывает на разрушение автором характерных для традиционной поэзии связей художественного мира с миром объективной действительности. На данный феномен в московской андеграундной поэзии еще в 1970-х годах обратил внимание Б. Гройс. Он пришел к выводу, что читатель при восприятии произведений поэтов-концептуалистов «оказывается в полной растерянности при попытке соотнести с ними собственный “внелитературный” опыт» [Гройс, 1978, с. 55]. В результате, как считает философ, литература все больше становится автономной сферой «развития и функционирования языка» [Там же].

Обозначенная переориентация поэтического высказывания на «сам “язык”» и моделируемую им автономную реальность фиксировалась в других самиздатовских литературно-критических источниках в 1970—80-х годах [Иванов, 1981, с. 237; Кривулин, 1979а, с. 227; Таршис, 1981, с. 10; Эпштейн, 1988, с. 400; Споры о поэзии, 1986, с. 285—286]. При обсуждении ее генезиса обозначались авангард и западная поэтическая традиция. В частности, С. Стратановский рассматривал поэзию концептуализма в контексте поэтического «авангардизма», вступающего, в отличие от модернизма, в «схватку с мимесисом, с изображением действительности». Результатом отказа поэтов от «аристотелевского мимесиса» является актуализация самодостаточности литературного произведения, обращенного на самое себя, то есть на язык, и способного «быть частью природы», вне подражания ей, «частью жизни» как таковой [Стратановский, 1985, с. 295].

Все это, по мнению критиков, создавало возможность преодолеть традиционную для русской культуры установку словесного творчества на

выражение в произведении «особого высшего знания» [Суицидов, 1981, с. 216] и понимания самого поэтического высказывания как процесса, что «непосредственно воздействует на мир» [Кривулин, 1979б, с. 242]. С данным положением коррелируют два взаимосвязанных аспекта в художественной системе неподцензурной поэзии 1980-х годов. Первый — размывание границы (или, по крайней мере, фиксация ее относительности) между языком искусства, что «говорит о мире ином, о котором может сказать только он один» [Гройс, 1978, с. 64], и языком обыденности, выступающим традиционно в качестве профанного и непоэтического (поэзия «Лианозовской школы», трансфуристы и концептуалисты). Второй — «имперсональность» [Кобак и др., 1986, с. 334] поэтического высказывания, отказ от поэтики лирического героя, эмоционально-рефлексивного выражения интенции «поэта-пророка, громогласного оратора» [Кобак и др., 1986, с. 335].

В случае концептуализма имперсональность достигается изображением в поэтических текстах различных социальных и «культурных знаков, условных кодов» [Эпштейн, 1988, с. 145] и сохраняющейся в них памяти об исходных контекстах, которые выступают в некотором роде персонажами, которых сводит «в пределах одного действия» [Пригов, 1983, с. 96] поэт, словно драматург¹ или «составитель словаря» [Эпштейн, 1988, с. 159]. Поэты-трансфуристы лирический индивидуализм как основу традиционного поэтического языка растворяли в сумме приемов, манифестирующих различные способы текстопорождения с ориентацией на преемственность и развитие поэтики заузного языка, разработанного «тифлисскими авангардистами в 1918—20-х годах» [Никонова и др., 1983, с. 17].

Отмеченные особенности рельефно проявились на «левом краю» [Каломиров, 1982, с. 315] поэтической работы со словом, где происходит зарождение постмодернистской культуры, в основе которой «не трансляция скрытых от человека сил, не мистическое вдохновение, но лишь оперирование с образцами, заимствованными из традиций» [Барабанов, 1988, URL]. Но и в андеграундной московской и ленинградской поэзии 1980-х годов, не склонной к авангардистским экспериментам, критика отмечала отход авторов от личного самовыражения [Кривулин, 1979б, с. 252; Бережнов, 1983—84; с. 274; Кобак и др., 1986, с. 333], сдержанность «субъективной экспрессии в настроениях», тяготение «к объективной пластике формы» [Эпштейн, 1988, с. 149]. Причины этого виделись в замедленности самого хода времени 1970—80-х годов, лишённого в условиях застойных

1 М. Н. Эпштейн подчеркивал, что в мире объектов произведений концептуалистов сам «субъект, со всей своей шемящей экзистенциальной тоской, тоже попадает в ряд объектов» [Эпштейн, 1988, с. 155].

процессов в культуре и обществе системообразующего «жизненного обстоятельства», «осевого события» (например, война, «оттепель», противостояние власти), когда «ценности возникали и проверялись в горниле экзистенциальных испытаний, требований — в пределе — проявлений героизма» [Кобак и др., 1986, с. 332]. В результате на первый план выходят такие ценности и формы творческого поведения, как неторопливость, «постепенность, осторожность, надежность, вдумчивость», готовность «вникать в медленное течение жизни, ее трудно зреющий смысл» [Там же, с. 336]¹.

И. Кобак и Б. Останин в резонансной статье «Молния и Радуга» охарактеризовали радужное (соборное) своеобразие 1980-х годов, по сравнению с эмоционально-импульсивными, утопичными, эсхатологичными и молниеносными 1960-ми, с точки зрения господства интеллектуальных тенденций в поэзии. Поэта в 1980-х годах, — фиксируют они, — не увлекают ни «социальный и психологический бунт», ни пророческая миссия поэзии, ни перспектива ранней насильственной смерти за идеалы свободы, личностной и творческой реализации: «Поэт обозревает поле культуры и организует увиденное в композицию» [Кобак и др., 1986, с. 335]. Не случайно М. Эпштейн в качестве общей художественной идеи для всех «стилевых течений» в последнем десятилетии истории советской поэзии предлагает считать «идею культуры». Областью поэтического освоения становится не действительность, — обосновывает М. Эпштейн, — а такая «мощная система», объединяющая все ее стороны, «как культура», что «заново отражается и осмысливается поэзией, уже в претворенном виде» [Эпштейн, 1988, с. 143]. Исследователем выделяются две противоположные стратегии в новейшей поэзии по взаимодействию с культурой, образующие границы (полюсы) ее семиотического и стилового разнообразия: концептуализм и метареализм. Если первая нацелена на «важную работу по расчистке культуры и отслоению ее мертвых, клишеобразных, китчевых слоев», то вторая направлена на раскрытие взаимосвязи различных пластов культуры, ее сложной структуры, архетипической глубины, просвечивающей «сквозь быт и повседневность, слитых с органическими состояниями души и природой» [Эпштейн, 1988, с. 145].

Немаловажным фактором, как считает М. Эпштейн, культуроцентричной ориентации новейшей поэзии является возросший уровень гуманитарных исследований 1970—80-х годов, «в частности, идея Бахтина о том, что сущность культуры живет на границе с другими культурами — идея, нашедшая многостороннее подтверждение и развитие в работах Ю. Лотмана, С. Аверинцева, В. Иванова, В. Топорова» [Эпштейн, 1988, с. 149—150] и

1 С идентичных позиций рассматривал феномен «новой поэзии» 1980-х годов М. Н. Эпштейн, ср.: [Эпштейн, 1988, с. 140].

др.¹ Наконец, нужно отметить, что понимание самоценности и автономности искусства как сферы творческой реализации и самоидентификации художника слова также осмысливается в 1980-х годах в контексте чисто развлекательной функции литературы: «Мы уже давно забыли, как выглядят стихи ни для чего, ни о чем, стихи ради самих стихов, стихи, которые пишутся не за тем, чтобы исправить мир или же в чем-то убедить противника» [Иванов и др., 1986, с. 285].

Таким образом, к концу 1980-х годов андеграундная культура поэтического слова представляла собой сложное разнородное явление, включающее в свой состав различные художественные практики, стилевые течения, школы и использующее развитый инструментарий их оценки и интерпретации, сформировавшийся на базе разветвленной системы самиздатовской периодики. Как справедливо отметил М. Эпштейн, обращенность поэзии на самое себя и способность очищаться через саморефлексию в форме концептуальных практик указывает на высокий уровень ее самосознания и развития [Эпштейн, 1988, с. 158].

4. Советская андеграундная поэзия 1980-х годов в «интерьере» постмодернизма

Характерно, что для описания явлений в новейшей поэзии неофициальной критикой использовался либо традиционный понятийно-категориальный аппарат, типологически обозначающий историко-литературные направления, стилевые процессы и закономерности в XX веке (реализм, модернизм, авангардизм, пассаизм [Колкер, 1981, с. 268—273], метафоризм)²,

- 1 В этом отношении интересны наблюдения критиков над динамикой понятийно-категориального аппарата поэтики словесного творчества: в 1970-х годах на смену понятиям «стихи» [Кривулин, 1979б, с. 252] и «ситуация» [Кобак и др., 1986, с. 348] приходят понятия «текст» [Кривулин, 1979б, с. 252] и «структура» [Кобак и др., 1986, с. 348], обусловленные влиянием структурно-семиотического направления на все сферы научной и творческой деятельности [Иванов, 1976]. В 1980-е годы литературное произведение все чаще именуется вещью, а творческая работа — письмом. Это указывает, с одной стороны, на актуализацию открытий авангардистской культуры (в том числе в исследованиях В. Альфонсова, И. Смирнова, Н. Харджиева и других советских литературоведов) в 1980-х годах, ориентированной на создание вещей с точки зрения синтеза словесного и изобразительного видов искусства, а с другой стороны, на формирование методологического аппарата литературной критики под отчетливым влиянием западного структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) [Эпштейн, 1988, с. 173; Споры о поэзии, 1987, с. 291; Драгомощенко, 1989].
- 2 В советском литературоведении общепринятым было «называть модернизмом все то, что нельзя отнести к реализму, в результате в свалке под этой вывеской оказываются явления, противоположные и даже враждебные друг другу» [Стратановский, 1986, с. 293]. При этом академическое научное сообщество, осознавая искусственные лакуны в истории русской литературы XX века, пыталось через различные механизмы и доступные ухищрения научной рефлексии, позволяющие обойти принятые в официальном режиме идеологические стандарты, привлечь к хотя бы частичному и ракурсному исследованию

либо вводились новые понятия, в том числе по аналогии с известными в отечественном и западном литературоведении образцами: концептуализм, презентализм, метареализм, трансфуризм, иронизм, конкретизм [Лимонов, 1977, с. 43—46], «медный век» [Бетаки, 1977, с. 177] или «бронзовый век» [Лён, 1984, с. 43—46] русской литературы и др. Представленные данными понятиями стилевые течения в неподцензурной поэзии 1970—80-х годов еще не осмысливались с точки зрения развивающейся на Западе во второй половине XX века постмодернистской культуры и соответствующей методологии ее исследования, хотя и фиксировались их отличительные особенности на фоне общепринятых представлений о поэтике модернизма и авангарда¹. Прямая корреляция с постмодернизмом наблюдается в исследовании Б. Гройсом актуальных художественных практик в живописи и поэзии, атрибутированных аналитиком как московский «концептуализм» [Гройс, 1978, с. 50]: он использовал термин, заимствованный из западного искусствоведения².

ранее опускаемый материал о модернистской и авангардной культуре начала XX века. Можно выделить следующие научно-исследовательские ракурсы и проблемы в неклассической поэзии, рассматривавшиеся советской академической наукой и получившие преемственную рефлексию в постсоветском литературоведении: «поэтический язык» («мотивы» и «образы») [Кожевникова, 1986], «звуковая организация текста» и «идиостиль» [Очерки истории языка, 1990, 1995], стиховедческое исследование языковых массивов через категории «метрика», «ритмика», «строфика» [Гаспаров, 1974] и др. Вниманием и влиянием пользовались внутри страны и публикации о феноменах неклассической поэтической культуры начала XX века, выходявшие в западных славистских журналах типа «Russian Literature» [Левчин и др., 1974, с. 47—82],

- 1 Показательно, что С. Стратановский рассматривает творчество Д. Пригова и Л. Рубинштейна в контексте авангардистского игрового художественного сознания и «борьбы с мимесисом». Но опасность игрового сознания, по мнению С. Стратановского, заключается в том, что оно не имеет «иммунитета к злу, к “темному” началу» и поэтому «окажется в опасной близости к сознанию циническому», как в случае Д. Пригова, спародировавшего «Розу мира» Д. Андреева в своих «Добавлениях» [Стратановский, 1986, с. 298—299]. М. Эпштейн в работах середины 1980-х годов, характеризуя поэтику концептуализма и стоящего за ним художественного сознания, усматривает его укорененность не в западном авангарде, а в национальной литературной традиции: «из этого вот гнилого петербургского тумана и “навязчивой грезы” Достоевского» [Эпштейн, 2000, с. 119]. С. Сигей при анализе «Нового Антракта: программа работ» и «35 страниц» Л. Рубинштейна с точки зрения авангардистской методологии отмечает «манативность творческого процесса» московского автора, его энтропийность: «Литература умирает, автору это забавно, читателю — нет». Но в отличие от «прежних авангардистов», которые за «смертью искусства <...> непременно провозглашали здравницу искусству новому» как реализацию «идеи смерти-обновления», Л. Рубинштейн, по мнению поэта-трансфуриста, фиксирует «смерть искусства» не декларируемую, а фактическую [Сигей, 1982, с. 55—56].
- 2 Неслучайно М. Н. Эпштейн в книге «Постмодерн в России» (2000) разместил манифесты актуальной поэзии 1980-х годов с предупреждением: «Понятие “постмодернизм” в этих текстах не употребляется, это еще раз свидетельствует о том, что соответствующие движения и их программы возникли в российской словесности до того, как к ним была приложена западная модель и терминология» [Эпштейн, 2000, с. 106].

При этом нужно заметить, что, согласно А. А. Житеневу, в более широком «контексте изучения русской литературы», учитывающем публикации в зарубежной русской периодике, «слово “постмодернизм” как инструмент описания литературной ситуации появилось в середине 1980-х годов». Но изначально, как указывает исследователь, оно рассматривалось в качестве включенного «в ряд конкурирующих словообозначений» [Житенев, 2012, с. 7]. К последним относятся «трансавангард» [Алексеев, 1990, с. 102—110] и «постнигилизм» [Горичева, 1986, с. 84—97; Горичева, 1990, с. 38].

С начала 1990-х годов понятие «постмодернизм» и постструктуралистские подходы к оценке и интерпретации литературных произведений начинают применяться к русской поэзии. Литературно-критическая и научная рецепция была направлена преимущественно на поэзию концептуализма (или соц-арта¹) как наиболее репрезентативное стилевое течение в русском постмодернизме [Постникова, 1995]. Ближайшими предшественниками московских концептуалистов считались поэты-конкретисты [Васильев, 1999, с. 233], входящие в состав «Лианозовской школы» (прежде всего В. Некрасов, И. Холин): «Конкретизм 50—60-х стал общей основой послевоенной левой поэзии — поп-арта, соц-арта, концептуализма. Все это варианты “предметного” отношения к слову, различающиеся не столько по методу, сколько по материалу» [Кулаков, 1999, с. 106]. Критики и исследователи отмечают направленность концептуализма на сложную работу по демифологизации и деконструкции авторитетных (авторитарных и властных) социальных и культурных языков и стоящей за ними структуры сознания, представлений о мире и человеке [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 423; Липовецкий, 2008, с. 66; Курицын, 2000; Васильев, 1999, с. 234; Эпштейн, 2000, с. 6], выявляют его нацеленность на метаописание собственной художественной практики [Берг, 2000, с. 86; Эпштейн, 1988, с. 158; Лейдерман и др., 2003, с. 429] и деиндивидуализацию художественного высказывания [Богданова, 2004, с. 33; Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 429; Курицын, 2000; Васильев, 1999, с. 235]. Однако, «расшищая идеологические завалы языка», лишая его дискурсивной власти над сознанием человека и возможности симулятивного обесценивания реальности, концептуалисты, как обосновывают исследователи литературного постмодернизма, открывают зияющую пустоту [Эпштейн, 1994, с. 58] либо, в формулировке

1 В постсоветской критике и литературоведении 1990—2000-х годов происходило сближение понятий «концептуализм» и «соц-арт», вплоть до полного их отождествления [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 423], когда второй воспринимался как вариант первого, поскольку апеллировал только «к языку советской культуры» [Курицын, 2000]. Сами же поэты-концептуалисты отмечали, что они либо работают с различными культурными языками, либо вычлняют в «языке его разные пласты» [Пригов, 1983, с. 96].

М. Н. Липовецкого, выходят «непосредственно к мифологическому хаосу, принципиально не поддающемуся артикуляции, оставляющему лист бумаги белым». В этом игровом хаосе автор-творец должен, в соответствии с концепциями «смерти автора» (Р. Барт) и «децентрализации субъекта» (М. Фуко), раствориться и исчезнуть, «отказавшись от первоначальной “нераздельной и неслиянной” позиции по отношению к абсурду дискурса» [Липовецкий, 1997, с. 272—273].

Здесь фиксируется принципиальное отличие постмодернизма от авангарда, в котором воплощается «утопическая вера в то, что письмо, вобравшее в себя страшную подлинность смерти, способно выйти к “самостоятельному существованию”, к неподдельности культуры и жизни» [Липовецкий, 1997, с. 269]. Кроме того, как показал М. Эпштейн, постмодернизм, разрушая всякую иерархию, противопоставляет «авангардистскому вызову традиции» сосуществование «разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг другу» [Эпштейн, 2000, с. 5]. В то же время для научно-критических работ 1990—2000-х годов характерна актуализация генетической связи концептуализма с авангардистской традицией [Васильев, 1999, с. 233—263; Константинова, 2007, с. 83—85; Казарина, 2005, с. 320—424], однако уже осмысленной в «интерьере постмодернизма» [Васильев, 1999, с. 3; Айзенберг, 2005, с. 147; Руднев, 1999, с. 137; Зайцев, 2004, с. 403].

Вслед за М. Эпштейном в контекст постмодернистской словесности постсоветской критикой и литературоведением встраивается и метареализм (или метаметафоризм [Кедров] и необарокко [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 451]), составляющий с концептуализмом дихотомическую пару¹. В 1990 — начале 2000-х годов практически не было ни одного учебного пособия о современной поэтической культуре и специального исследования, посвященного этой проблеме, не рассматривающего связку «метареализм-концептуализм» в составе ядерной структуры русского литературного постмодернизма [Малышева, 1996, с. 133—165; Багрецов, 2005, с. 20—67; Шайтанов, 2007, с. 85—110; Князева, 2000, с. 15—16; Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 422—466]. Зачастую последний становился мерилем всех процессов в словесном творчестве конца XX — начала XXI веков, под ко-

1 Заметим, что М. Н. Эпштейн, изначально будучи представителем московской литературной критики, создавал модель новейшей русской поэзии на основе творчества столичных неофициальных художников слова и соответственно выражал тенденции в поэтике и эстетике преимущественно этого территориального сегмента в русской литературе. Хотя и очевидно, что он с самого начала ставил задачу проецирования своего опыта рефлексии на сферу всей русской поэзии последней трети XX века, включив в «Каталог новых поэзий» творчество А. Драгомощенко, Е. Шварц, В. Кривулина [Эпштейн, 2005, с. 192—196].

торое подвергались все остальные художественные практики; в других случаях они выносились за границы научной рефлексии¹.

5. Методологические векторы исследования советского поэтического андеграунда в науке о литературе 2000—2010-х годов

В последние два десятилетия в литературоведении наблюдается процесс переосмысления методологических установок, предложенных теоретиками постмодернизма в отношении рассматриваемого периода в русской литературе². Поэзию метареализма и ленинградского литературного андеграунда специалисты всё чаще относят к модернистской ветви художественного развития в XX веке с характерным для них мифотворчеством, катастрофическим мироощущением и системообразующей связью с традицией Серебряного века [Рыбальченко, 2004, с. 208—209; Темиршина, 2012; Верина, 2019, с. 3—4; Русская поэзия Сибири, 2017; Сурикова, 2013; Плеханова, 2007; Дашевская, 2005, с. 106—127; Северская, 1995, с. 541—557]³. Показательно, что на конференции «“Вторая культура”. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы» (2013) обсуждалось «предположение», что творчество поэтов советского андеграунда «предстает своего рода “мета-поэзией”, филологической поэзией, вновь

- 1 Обзор российских и европейских вузовских учебных пособий 2000—2010-х годов представлен в работах М. Рутц (Трир) и Ю. Орлицкого [Орлицкий, 2003]. Исследователь из Германии отмечает «неполноту и крайнюю противоречивость представленных картин современной поэзии» [Рутц (Трир), 2013, с. 47] в рассмотренных учебниках, зачастую ограниченных либо повышенным «интересом к постмодернизму», либо, наоборот, его презентацией в качестве «маргинального, малозначительного течения» [Рутц (Трир), 2013, с. 46].
- 2 Немаловажную роль в поддержке и сопровождении этого процесса в 2000—2010 годах играли проектные литературные институции, стимулирующие активность научно-исследовательских инициатив по изучению наследия андеграундной поэзии второй половины XX века. К ним относятся прежде всего такие толстые журналы поэзии и критики, как «НЛО», «Арион», «Воздух» и др., издательства, в том числе открытые при этих журналах, ориентированные на публикацию исследований в области современной гуманитарной аналитики [Кулаков, 1999; Самиздат Ленинграда, 2003; Берг, 2000; Неканонический классик, 2010], и различного уровня литературные премии, продолжающие традиции культуртрегерства в сам- и тамиздате (Премия Андрея Белого и Премия имени В. И. Даля [Карабчиевский, 1985]): «Поэт», «Антибукер» и др. Кроме того, отдельно хотелось бы отметить вклад европейских и североамериканских славистов в сохранение наследия и научное освоение советского поэтического андеграунда [Samizdat Journals ...; Sabbatini, 2008; Имядж ..., 2013; Вторая культура, 2013].
- 3 Собственно, возможность такой интерпретации была заложена в работах ведущих аналитиков литературного постмодернизма: М. Н. Липовецкий подчеркивал близость «необарокко» к «высокому модернизму» [Липовецкий, 2003, т. 2, с. 425], а И. С. Скоропанова отмечала, что «попытка синтеза различных культурных контекстов с целью создания своей собственной духовной реальности<...> приводит к появлению позднемодернистских произведений» [Скоропанова, 2007, с. 222].

актуализирующей культурные ценности “классического” модернизма» [Жаккар и др., 2013, с. 4].

На попытку пересмотра векторов развития новейшей русской словесности указывают такие понятия, как «постреализм» [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 583], «новый реализм», «трансавангард» [Ермолин, 2011, с. 12], «трансметареализм» [Иванова, 1998], обозначающие стратегию художественного творчества в 1980—90-х годах, ориентированную на синтез и зоны мутации различных литературных направлений XX века (реализм, модернизм, постмодернизм). Заметим, что в синонимичных понятиях «постреализм», «новый реализм» фиксируется прежде всего ценностная альтернативность постмодернизму с позиции «системы художественного мышления», постулирующей «восстановление космоса <...> из хаоса», возвращение к «конкретному измерению личности» [Лейдерман и др., т. 1, 2003, с. 587—588]. Тогда как понятие «трансавангард», по мысли Е. А. Ермолина, обозначает «поставангардную» парадигму в русской литературе и включает постмодернизм в качестве ее маргинального явления, частного случая «(релятивно-игровая версия)» [Ермолин, 2011, с. 12—13].

А. А. Житенев, исследуя этапы становления неклассического художественного сознания в русской словесной культуре, также обосновывает ограниченность возможностей концепции постмодернизма для описания творческого опыта русских поэтов 1960—2000-х годов (в том числе и концептуалистов). Он предлагает для их родового обозначения использовать термин *неомодернизм*, смысловой потенциал которого включает «принципиальный отказ от “финализма”, от всех “готовых” форм самоидентификации и художественной практики». В поэзии неомодернизма, как показывает А. А. Житенев, «нелинейность высказывания» связана не с «фрагментарностью мира», что выражает «распад сознания» в постмодернистской интерпретации, а с «идеей его многомерности» [Житенев, 2012, с. 467—468]. В этом плане изучение в творчестве неподцензурных поэтов стратегий новой целостности, поиска тотальности, связанности «всех предметов, составляющих наш мир, друг с другом» [Корчагин, 2020, с. 8], становится актуальным методологическим ракурсом в современной критике и литературоведении.

Разработанные основания и аналитический инструментарий научного изучения андеграундной поэзии, а также сформировавшийся консенсус в рамках предложенных понятий дали возможность перейти к системному исследованию поэтики и аксиологии творчества отдельных авторов, определению интертекстуальных связей и основного контекста их поэзии: [Орлицкий, 2020, с. 577—973; Ямпольский, 2015; Медведева, 2007;

Скворцов, 2011; Двойнишникова, 2011; Воронцова, 2013; Бокарев, 2013; Рухлов, 2019; Панкратова, 2019; Чижов, 2017; Меркулова, 2017] и др.

6. Заключение

Систематизация представлений о новейшей русской поэзии 1980-х годов в неподцензурной критике позволила выделить ряд тенденций. Первая связана с концепцией децентрализации культурного пространства, плюральности позиций ее основных участников, отстаивание последних в условиях конкурентного противостояния и сотрудничества как необходимых факторов расцвета искусства в многообразии форм и средств. В этом плане обращение самиздатовской критики в 1980-х годах к жанру рецензии-обзора нонконформистских журналов высветило наличие в андеграундной культуре не только различных литературно-критических точек зрения, но и школ, идейно противостоящих друг другу, в том числе и внутри одной литературной традиции. Например, Ры Никонова в журнале «Транспонанс» неоднократно подчеркивала неспособность ленинградских поэтов выйти из-под парадигматического влияния традиции Серебряного века с точки зрения использования ими проверенных моделей версификации и текстопорождения.

Вторая обусловлена тем, что в 1980-х годах поэзия все больше становится культуроцентричной, то есть ориентированной не на постижение различных сторон и проявлений действительности, но на ценностное и эстетическое осмысление культуры во всей протяженности и многообразии. Важнейшими формами выражения такой ориентации являются автономность поэзии, преодоление аристотелевского мимесиса, имперсональность, отказ от поэтики лирического героя, понимание произведения как поля взаимодействия и деконструкции различных социальных и культурных языков, метареалистическое постижение глубинных пластов культуры и архетипических ее оснований и др. Все это указывает на то, что русская андеграундная поэзия к концу 1980-х годов вышла на новый уровень своего развития, смогла преодолеть деструктивные тенденции, характерные для 1960-х годов, восстановить связь с традицией Серебряного века и в то же время выработать новые основания художественного письма, соответствующие модернизационным процессам в позднесоветской и постсоветской культуре и обществе.

Для их изучения в 1990—2010-х годах литературоведением был предложен ряд научных концепций, сформирован понятийный аппарат и наработан арсенал научно-исследовательских подходов. Во-первых, стала очевидна глубинная связь андеграундной поэзии с предшествующей модернистской и авангардистской культурой художественного слова. Ее

актуализация на уровне исследования отдельных элементов поэтики стихотворных текстов и аксиологии творчества ключевых персоналий неконформистской поэзии с выходом к широкому культурно-историческому контексту XIX—XX веков, начатая еще в рамках советского академического литературоведения, была продолжена в 1990—2010-х годах. Во-вторых, в первое постсоветское десятилетие активно применялись в исследовательской практике постмодернистская концепция развития современной литературы и постструктуралистские подходы к ее научному описанию. В свете постмодернистского проекта предпринималась попытка создания модели русской поэтической культуры последней трети XX — начала XXI веков со связкой «метареализм — концептуализм» как центра ядерной структуры. В-третьих, последние два десятилетия наблюдается тенденция к пересмотру означенных подходов и установок, определяющаяся общей направленностью гуманитарной науки на поиск «горизонтов преодоления» [Павлов, 2019, с. 7; Метамоде́рнизм, 2020] или ограничения поля исследовательского применения теории постмодернизма к русской культуре. Прямым следствием этого стало появление в отечественной науке о литературе таких альтернативных «постмодернизму» понятий, как «неомодернизм», «трансавангард» и «постреализм».

ЛИТЕРАТУРА

1. «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1—3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херлт. — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — 479 с.
2. *Абрамович О.* Митин журнал; Вестник Совета по экологии культуры (обзор) / О. Абрамович // Часы. — 1988. — № 73. — С. 256—266.
3. *Алексеев Н.* Молчаливый кенозис / Н. Алексеев // Беседа. — 1990. — № 8. — С. 102—110.
4. *Б. Л.* Нечто о русской критике и публицистике начала 80-х годов XX века / Л. Б. // Обводной канал. — 1982. — № 3. — С. 224—232.
5. *Багрецов Д. Н.* Тимур Кибиров : интертекст и творческая индивидуальность / Д. Н. Багрецов. — Екатеринбург : Уральский университет, 2005. — 176 с.
6. *Барабанов В. Е.* Модернизм, авангардизм и постмодернизм [Электронный ресурс] / В. Е. Барабанов // Митин журнал. — 1988. — № 20. — Режим доступа: http://kolonna.mitin.com/archive/mj_20/barabanov.shtml (дата обращения: 08.08.2021).
7. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 352 с.
8. *Бережнов А.* В час тоски невыразимой... (И. Жданов. Портрет. Москва, 1982) / А. Бережнов // Обводной канал. — 1983/84. — № 5. — С. 272—279.
9. *Бетаки В.* Три спора. О поэзии Ивана Елагина / В. Бетаки // Грани. — 1977. — № 103. — С. 176—198.
10. *Богданова О. В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60—90-е годы XX века — начало XXI века) / О. В. Богданова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. — 715 с.

11. *Бокарев А. С.* Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской литературы 1970—1980-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Бокарев. — Ярославль, 2013. — 237 с.
12. *Бутырин К.* Разговор о творчестве Бартова / К. Бутырин, В. Кривулин // Обводной канал. — 1983/84. — № 5. — С. 145—157.
13. *Васильев И. Е.* Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 320 с.
14. *Верина У. Ю.* Обновление жанровой системы русской поэзии конца XX — начала XXI в. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / У. Ю. Верина. — Екатеринбург, 2019. — 40 с.
15. *Воронцова К. В.* Модели пространства в поэзии Е. Шварц : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / К. В. Воронцова. — Волгоград, 2013. — 24 с.
16. *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих / М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1974. — 487 с.
17. *Горичева Т.* Эпоха постнигилизма / Т. Горичева // Беседа. — 1986. — № 4. — С. 84—97.
18. *Горичева Т. М.* Православие и постмодернизм / Т. М. Горичева. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — 67 с.
19. *Гройс Б.* Московский романтический концептуализм / Б. Гройс // Журнал «37». — 1978. — № 15. — С. 50—66.
20. *Дашевская О. А.* Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века / О. А. Дашевская; под общ. ред. В. А. Суханова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. — 150 с.
21. *Двойнишникова М. П.* Система жанров лирики Генриха Сапгира: специфика и поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. П. Двойнишникова. — Самара, 2011. — 199 с.
22. *Драгомощенко А.* Белая премия. (Речь при вручении премии им. А. Белого Ивану Жданову) [Электронный ресурс] / А. Драгомощенко // Митин журнал. — 1989. — № 25. — Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/dragomosh.shtml> (дата обращения: 08.08.2021).
23. *Ермолин Е. А.* Трансавангард как парадигма современной литературы / Е. А. Ермолин // Филологический класс. — 2011. — № 25. — С. 12—14.
24. *Жаккар Ж.-Ф.* Вместо предисловия / Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт // «Вторая культура» Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1—3 марта 2012 г.). — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — С. 3—6.
25. *Житнев А. А.* Поэзия неомодернизма / А. А. Житнев. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 2012. — 480 с.
26. *Зайцев В. А.* Поэзия середины 1980—90-х годов : учебник / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко // История русской литературы второй половины XX века. — Москва : Высшая школа, 2004. — С. 384—419.
27. *Иванов Б.* Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. — 1981. — № 32. — С. 208—240.
28. *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР / В. В. Иванов. — Москва : Наука, 1976. — 302 с.

29. *Иванова Н.* Преодолевшие постмодернизм [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамья. — 1998. — № 4. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodolevshie-postmodernizm.html> (дата обращения: 08.08.2021).
30. *Имидж, диалог, эксперимент — поля современной русской поэзии : сборник научных работ / под ред. Х. Шгаль, М. Рутц.* — München, 2013. — 600 с.
31. *Интервью* с Виктором Кривулиным [Электронный ресурс] / записал Д. Волчек // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/kgivulin.shtml> (дата обращения: 08.08.2021).
32. *Казарина Т. В.* Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Казарина. — Самара, 2005. — 455 с.
33. *Каломиров А.* Вечер московских поэтов в Клубе-81 / А. Каломиров // Часы. — 1982. — № 36. — С. 314—316.
34. *Карабчиевский Ю. А.* Воскресение Маяковского / Ю. А. Карабчиевский. — München : Страна и мир, 1985. — 280 с.
35. *Кедров К.* Метаметафора [Электронный ресурс] / К. Кедров. — Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 08.08.2021).
36. *Князева Е. А.* Метареализм как направление: эстетические принципы и поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Князева. — Пермь, 2000. — 209 с.
37. *Кобак А.* Молния и радуга: пути культуры 60—80-х годов / А. Кобак, Б. Останин // Часы. — 1986. — № 61. — С. 325—373.
38. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.
39. *Колкер Ю.* Пассеизм и гуманность / Ю. Колкер // Часы. — 1981. — № 31. — С. 268—273.
40. *Константинова С. Л.* Русская авангардная поэзия второй половины XX века: традиции и новаторство / С. Л. Константинова // Русский поэтический авангард: XX век: учебно-методическое пособие к спецкурсу. — Псков : ПГПУ, 2007. — С. 63—86.
41. *Корчагин К.* В поисках тотальности : статьи о новейшей поэзии / К. Корчагин. — Москва. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — 384 с.
42. *Кривулин В.* Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) / В. Кривулин // Часы. — 1979б. — № 22. — С. 240—263.
43. *Кривулин В.* Пять лет культурному движению : связь движения художников с движением поэтов / В. Кривулин // Часы. — 1979а. — № 21. — С. 221—229.
44. *Кулаков В. Г.* После катастрофы : Лирический стих «бронзового века» / В. Г. Кулаков // Поэзия как факт: статьи о стихах. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — С. 241—274.
45. *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм [Электронный ресурс] / В. Курицын. — Москва : ОГИ, 2000. — Режим доступа: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/3.html> (дата обращения: 09.08.2021).
46. *Кушев В.* Лабиринт (разговоры о поэзии Аркадия Драгомощенко (записал В. Кушев) / В. Кушев // Часы. — 1982. — № 41. — С. 178—199.
47. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература: 1950—1990-е годы : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 томах / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Том 2: 1968—1990. — 688 с.
48. *Лён В.* Легенда к дереву русской поэзии «бронзового века» / В. Лён // Транспонанс. — 1984. — № 24. — С. 9—11.

49. Лимонов Э. Группа «Конкрет» / Э. Лимонов // Апполон-77. — Париж, 1977. — С. 43—46.
50. Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформация (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов / М. Н. Липовецкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 848 с.
51. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография / М. Н. Липовецкий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-т, 1997. — 317 с.
52. Малышева Г. Н. Альтернативная поэзия / Г. Н. Малышева // Очерки русской поэзии 1980-х годов. — Москва : Наследие, 1996. — С. 133—165.
53. Материалы симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» / Б. Иванов, В. Кривулин, Д. Волчек, В. Антонов, М. Иоссель и др. // Часы. — 1986. — № 62. — С. 198—233.
54. Медведева Н. Г. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Н. Г. Медведева. — Ижевск, 2007. — 38 с.
55. Меркулова О. Н. Поэтическая версия всеединства в творчестве Ивана Жданова / О. Н. Меркулова. — Иркутск : Иркутский университет, 2017. — 163 с.
56. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. Ван ден Аккер. — Москва : РИПОЛ классик, 2020. — 496 с.
57. Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940—2007): сборник статей и материалов / под ред. Е. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 778 с.
58. Никонова Р. Амплуа новорожденного / Р. Никонова // Транспонанс. — 1986в. — № 33. — С. 83—86.
59. Никонова Р. Вени, Види, Видя / Р. Никонова, С. Сигей // Транспонанс. — 1986а. — № 33. — С. 94—98.
60. Никонова Р. Зачем «Зачем» / Р. Никонова // Транспонанс. — 1986б. — № 33. — С. 88—92.
61. Никонова Р. Иду на канал / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984б. — № 23. — С. 155—186.
62. Никонова Р. Идут старинные часы / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984г. — № 25. — С. 285—319.
63. Никонова Р. Манифест номер три / Р. Никонова, Б. М. Констриктор, С. Сигей // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 17—18.
64. Никонова Р. На смерть Грааля / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984а. — № 23. — С. 121—154.
65. Никонова Р. По-моему, я высказываю обычные вещи / Р. Никонова // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 11—14.
66. Никонова Р. После пятого на третий / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984в. — № 24. — С. 65—94.
67. Орлицкий Ю. Где начинается и где заканчивается современная русская поэзия? [Электронный ресурс] / Ю. Орлицкий // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 4. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/gde-nachinaetsya-i-gde-zakanchivaetsya-sovremennaya-russkaya-poeziya.html> (дата обращения: 09.07.2021).
68. Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии : монография / Ю. Б. Орлицкий. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2020. — 1015 с.
69. Останин Б. О трех родах поэзии (конспект-статья) / Б. Останин // Часы. — 1988. — № 74. — С. 271—277.

70. *От редакции* // Обводной канал. — 1982. — № 3. — С. 232—233.
71. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей* / под ред. В. П. Григорьева. — Москва : Наследие, 1995. — 558 с.
72. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: поэтический язык и идиостиль: общие вопросы* / под ред. В. П. Григорьева. — Москва : Наука, 1990. — 304 с.
73. *Павлов А. В.* Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / А. В. Павлов. — Москва, 2019. — 28 с.
74. *Панкратова Е. В.* Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы»: концепция независимой литературы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Панкратова. — Санкт-Петербург, 2019. — 251 с.
75. *Переписка* Д. Пригова и Ры Никоновой // Транспонанс. — 1982. — № 12. — С. 34—65.
76. *Плеханова И. И.* Русская поэзия рубежа XX—XXI веков / И. И. Плеханова. — Иркутск : Иркутский университет, 2007. — 439 с.
77. *По материалам «Регулярных ведомостей» ведомостей № 7* — информационного бюллетеня Клуба-81 // Часы. — 1985. — № 53. — С. 240—252.
78. *Постникова Т. В.* «Если ты носишь начало времен в ушах...»: (Авангардная поэзия 80-х — нач. 90-х гг.) : библиографический очерк / Т. В. Постникова. — Москва : РГБ, 1995. — 126 с.
79. *Пригов Д.* Не все ясно с первого взгляда / Д. Пригов // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 93—98.
80. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 384 с.
81. *Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов* : монография (литературные звезды Сибири; вып. 3) / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Тюменский университет, 2017. — 392 с.
82. *Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма* / Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Russian Literature. — 1974. — № 7/8. — С. 47—82.
83. *Рутц (Трип) М.* «Каноны» современной русской поэзии. Наблюдения и перспективы / М. Рутц (Трип) // Имидж, диалог, эксперимент — поля современной русской поэзии. — München, 2013. — С. 37—58.
84. *Рухлов А. В.* «Холст 37 на 37...» Леонид Губанов: в поисках портрета: монография / А. В. Рухлов. — Курган : Курганский государственный университет, 2019. — 178 с.
85. *Рыбальченко Т. Л.* Поэзия второй половины XX века: хрестоматия практикум к курсу «История русской литературы XX века» / Т. Л. Рыбальченко. — Томск : Томский университет, 2004. — 378 с.
86. *Северская О. И.* Метареализм. Язык поэтической школы: социолект — идиолект/идиостиль / О. И. Северская // Очерки истории русской поэзии XX века : опыты описания идиостилей. — Москва : Наследие, 1995. — С. 541—557.
87. *Сигей С.* О сочинениях Л. С. Рубинштейна / С. Сигей // Транспонанс. — 1982. — № 11. — С. 52—56.
88. *Скворцов А. Э.* Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Э. Скворцов. — Казань, 2011. — 46 с.

89. *Скляр О. Н.* Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.08 / О. Н. Скляр. — Москва, 2014. — 56 с.
90. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература / И. С. Скоропанова. — Москва : Флинта, Наука, 2007. — 608 с.
91. *Споры о поэзии Алексея Парщикова // Часы.* — 1987. — № 68. — С. 279—283.
92. *Стратановский С.* Нечто об авангардизме / С. Стратановский // Обводной канал. — 1986. — № 10. — С. 293—300.
93. *Стратановский С.* Черные игры (Письмо другу о новом литературном журнале) / С. Стратановский // Обводной канал. — 1985/86. — № 8. — С. 195—198.
94. *Суицидов И.* Вещи, говорящие о самих себе / И. Суицидов // Часы. — 1981. — № 31. — С. 207—218.
95. *Сурикова О. А.* Русский самиздат 1960—1980-х годов: судьба поэзии модернистов и ее традиции: Московские творческие объединения и периодические издания : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Сурикова. — Москва, 2013. — 25 с.
96. *Таршиш А.* Литература есть частица вселенной / А. Таршиш // Транспонанс. — 1981. — № 8. — С. 9—12.
97. *Таршиш А.* Об открытом и закрытом журнале «Номер» / А. Таршиш // Транспонанс. — 1980. — № 6. — С. 55—57.
98. *Темиршина О. Р.* Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия / О. Р. Темиршина. — Москва : Изд-во ин-та междуна. права и экон. им. А. С. Грибоедова, 2012. — 290 с.
99. *Фомин А.* Архив Ретро-Футуризма (обзор журнала «Транспонанс» № 25) / А. Фомин, Т. Чудиновская // Часы. — 1985. — № 54. — С. 251—272.
100. *Чижов Н. С.* Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики / Н. С. Чижов // Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов : монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3) / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2017. — С. 158—349.
101. *Шайтанов И.* Метафизики и лирики / И. Шайтанов // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. — Москва : Время, 2007. — С. 85—110.
102. *Эпштейн М.* Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века / М. Эпштейн. — Tenafly (N. J.) : Эрмитаж, 1994. — 269 с.
103. *Эпштейн М. Н.* Литературные движения. Метареализм. Концептуализм. Арьергард / М. Н. Эпштейн // Постмодерн в русской литературе. — Москва : Высшая школа, 2005. — С. 127—196.
104. *Эпштейн М. Н.* Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX—XX веков / М. Н. Эпштейн. — Москва : Советский писатель, 1988. — 416 с.
105. *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в России: литература и теория / М. Н. Эпштейн. — Москва : Издание Р. Элинина, 2000. — 368 с.
106. *Ямпольский М. Б.* Из хаоса (Драгомощенко: поэзия, фотография, философия) / М. Б. Ямпольский. — Санкт-Петербург : Сеанс, 2015. — 280 с.
107. *Sabbatini M.* «Quel che si metteva in rima»: cultura e poesia underground a Lenigrado / M. Sabbatini. — Salerno : Dip. di studi ling. e lett., Univ. di Salerno, 2008. — 466 p.
108. *Samizdat Journals* — Electronic Editions. Project for the Study of Dissidence and Samizdat [Electronic resource]. — Access mode: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aroot> (accessed: 08.08.2021).

REFERENCES

- Abramovich, O. (1988). Mitin magazine; Bulletin of the Council for the Ecology of Culture (review). *Clock*, 73: 256—266. (In Russ.).
- Alekseev, N. (1990). Silent kenosis. *Conversation*, 8: 102—110. (In Russ.).
- B. L. (1982). Something about Russian criticism and journalism of the early 80 s of the XX century. *Obvodnoy Canal*, 3: 224—232. (In Russ.).
- Bagretsov, D. N. (2005). *Timur Kibirov: intertext and creative individuality*. Yekaterinburg: Ural University. 176 p. (In Russ.).
- Barabanov, V. E. (1988). Modernism, avant-garde and postmodernism. *Mitin journal*, 20. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Based on the materials of the “Regular Gazette” of statements No. 7 — the information bulletin of the Club-81. (1985). *Hours*, 53: 240—252. (In Russ.).
- Berezhnov, A. (1983/84). In the hour of inexpressible longing ... (I. Zhdanov. Portrait. Moscow, 1982). *Obvodnoy Canal*, 5: 272—279. (In Russ.).
- Berg, M. (2000). *Literature. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: New literary review. 352 p. (In Russ.).
- Betaki, V. (1977). Three disputes. On the poetry of Ivan Elagin. *Grani*, 103: 176—198. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2004). *Postmodernism in the context of modern Russian literature (60—90s of the XX century — the beginning of the XXI century)*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. 715 p. (In Russ.).
- Bokarev, A. S. (2013). Creativity of poets of the group “Moscow time” in the context of Russian literature of the 1970—1980s. PhD Diss. Yaroslavl. 237 p. (In Russ.).
- Butyrin, K., Krivulin, V. (1983/84). Conversation about Bartov’s work. *Obvodnoy Canal*, 5: 145—157. (In Russ.).
- Chizhov, N. S. (2017). *Poetry of Ivan Zhdanov: problems of poetics. Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (Literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Publishing house of Tyumen University. 158—349. (In Russ.).
- Correspondence, D. (1982). Correspondence between D. Prigov and Ry Nikonova. *Transponance*, 12: 34—65. (In Russ.).
- Dashevskaya, O. A. (2005). *Myth-making by V. Solovyov and the “Soloviev’s text” in the poetry of the twentieth century*. Tomsk: Publishing house of Tomsk University. 150 p. (In Russ.).
- Disputes about the poetry of Alexei Parshchikov. (1987). *Clock*, 68: 279—283. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (ed.). (2010). *Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940—2007): collection of articles and materials*. Moscow: New literary review. 778 p. (In Russ.).
- Dragomoshchenko, A. (1989). White Prize. (Speech at the presentation of the A. Bely Prize to Ivan Zhdanov). *Mitin magazine*, 25. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/dragomosh.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Dvoinishnikova, M. P. (2011). *The system of genres of lyrics by Heinrich Sapgir: specificity and poetics*: PhD Diss. Samara. 199 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. (1994). Faith and Image. Religious unconsciousness in Russian culture of the XX century. Tenafly (N. J.): Hermitage. 269 p. (In Russ.).

- Epshtein, M. N. (1988). *The paradoxes of novelty: about the literary development of the XIX—XX centuries*. Moscow: Soviet writer. 416 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. N. (2000). *Postmodernity in Russia: literature and theory*. Moscow: R. Elinin's edition. 368 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. N. (2005). Literary movements. Metarealism. Conceptualism. Rearguard. In: *Postmodernity in Russian literature*. Moscow: Higher school. 127—196. (In Russ.).
- Ermolin, E. A. (2011). Transavant-garde as a paradigm of modern literature. *Philological class*, 25: 12—14. (In Russ.).
- Fomin, A., Chudinovskaya, T. (1985). Archive of Retro-Futurism (review of the magazine “Transponance” No. 25). *Clock*, 54: 251—272. (In Russ.).
- From the editor (1982). *Bypass channel*, 3: 232—233. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1974). *Modern Russian verse*. Moscow: Nauka. 487 p. (In Russ.).
- Goricheva, T. (1986). The era of post-nihilism. *Conversation*, 4: 84—97. (In Russ.).
- Goricheva, T. M. (1991). *Orthodoxy and postmodernism*. Leningrad: Publishing house of Leningrad University. 67 p. (In Russ.).
- Grigorieva, V. P. (ed.). (1990). *Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century: poetic language and idiosyncrasy: general issues*. Moscow: Nauka. 304 p. (In Russ.).
- Grigorieva, V. P. (ed.). (1995). *Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the 20th Century: Experiments in the Description of Idiosyncrasies*. Moscow: Heritage. 558 p. (In Russ.).
- Groys, B. (1978). Moscow romantic conceptualism. *Magazine “37”*, 15: 50—66. (In Russ.).
- Ivanov, B. (1981). Realism and personality. *Clock*, 32: 208—240. (In Russ.).
- Ivanov, B., Krivulin, V., Volchek, D., Antonov, V., Iossel, M. et. al. (1986). Materials of the symposium “Ways of culture of the 60s—80s”. *Clock*, 62: 198—233. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1976). *Essays on the history of semiotics in the USSR*. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Ivanova, N. (1998). Overcome postmodernism. *Banner*, 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodolevshie-postmodernizm.html> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Jacquard, J.-F., Fridli, V., Herlt, J. (2013). *Instead of a preface*. In: “Second Culture” Unofficial poetry of Leningrad in the 1970—1980s: materials of the international conference (Geneva, March 1—3, 2012). St. Petersburg: Rostok. 3—6. (In Russ.).
- Jacquard, J.-F., Fridli, V., Herlt, J. (eds.). (2013). “Second culture”. *Unofficial poetry of Leningrad in the 1970—1980s: materials of the international conference (Geneva, March 1—3, 2012)*. St. Petersburg: Rostock. 479 p. (In Russ.).
- Kalomirov, A. (1982). Evening of Moscow poets in Club-81. *Clock*, 36: 314—316. (In Russ.).
- Karabchievsky, Yu. A. (1985). Resurrection of Mayakovsky. München: Country and World. 280 p. (In Russ.).
- Kazarina, T. V. (2005). *Three epochs of the Russian literary avant-garde (evolution of aesthetic principles)*. PhD Diss. Samara. 455 p. (In Russ.).
- Kedrov, K. *Metametapho*. Available at: <http://ru.wikisource.org/wiki> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Knyazeva, E. A. (2000). *Metrealism as a direction: aesthetic principles and poetics*. PhD Diss. Perm. 209 p. (In Russ.).

- Kobak, A., Ostanin, B. (1986). Lighting and the rainbow: the cultural paths of the 60s—80s. *Hours*, 61: 325—373. (In Russ.).
- Kolker, Y. (1981). Passionism and humanity. *Hours*, 31: 268—273. (In Russ.).
- Komarov, S. A. (ed.). (2017). *Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Tyumen University. 392 p. (In Russ.).
- Konstantinova, S. L. (2007). Russian avant-garde poetry of the second half of the 20th century: traditions and innovation In: *Russian poetic avant-garde: XX century: teaching aid for the special course*. Pskov: PGPU. 63—86. (In Russ.).
- Korchagin, K. (2020). *In search of totality: articles on the latest poetry*. Moscow. Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 384 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1986). *Word usage in Russian poetry of the early XX century*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Krivulin, V. (1979a). Five years of the cultural movement: the connection between the movement of artists and the movement of poets. *Clock*, 21: 221—229. (In Russ.).
- Krivulin, V. (1979b). Twenty years of modern Russian poetry (preliminary notes). *Clock*, 22: 240—263. (In Russ.).
- Kulakov, V. G. (1999). After the catastrophe. Lyric verse of the “Bronze Age”. In: *Poetry as fact: articles about poetry*. Moscow: New Literary Review. 241—274. (In Russ.).
- Kuritsyn, V. (2000). *Russian literary postmodernism*. Moscow: OGI. Available at: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/3.html> (accessed: 09.08.2021). (In Russ.).
- Kushev, V. (1982). Labyrinth (talk about the poetry of Arkady Dragomoshchenko (recorded by V. Kushev). *Clock*, 41: 178—199. (In Russ.).
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). *Modern Russian Literature: 1950—1990s, 2: 1968—1990*. Moscow: Academy. 688 p. (In Russ.).
- Levin, Yu. I., Segal, D. M., Timenchik, R. D., Toporov, V. N., Tsivyan, T. V. (1974). Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm. *Russian Literature*, 7/8: 47—82. (In Russ.).
- Limonov, E. (1977). Group “Concrete”. In: *Apollo-77*. Paris. 43—46. (In Russ.).
- Lipovetskiy, M. N. (1997). *Russian Postmodernism. (Essays on historical poetics)*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publishing. 317 p. (In Russ.).
- Lipovetskiy, M. N. (2008). *Paralogy: Transformation of (post) modernist discourse in Russian culture of the 1920s—2000s*. Moscow: New literary review. 848 p. (In Russ.).
- Lyon, V. (1984). Legend to the tree of Russian poetry of the “Bronze Age”. *Transponance*, 24: 9—11. (In Russ.).
- Malysheva, G. N. (1996). Alternative poetry. In: *Essays on Russian poetry of the 1980s*. Moscow: Heritage. 133—165. (In Russ.).
- Medvedeva, N. G. (2007). *Poetic metaphysics of I. Brodsky and O. Sedakova in the context of cultural tradition: author’s abstract of Doct. Diss.* Izhevsk. 38 p. (In Russ.).
- Merkulova, O. N. (2017). *Poetic version of all-unity in the works of Ivan Zhdanov*. Irkutsk: Irkutsk University. 163 p. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1983). In my opinion, I am expressing the usual things. *Transponance*, 18: 11—14. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984). An old clock is going. *Transponance*, 25: 285—319. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984a). On the death of the Grail. *Transponance*, 23: 121—154. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984b). I’m going to the channel. *Transponance*, 23: 155—186. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984c). After the fifth to the third. *Transponance*, 24: 65—94. (In Russ.).

- Nikonova, R. (1986b). Why “Why”. *Transponance*, 33: 88—92. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1986c). Amplua of a newborn. *Transponance*, 33: 83—86. (In Russ.).
- Nikonova, R., Constrictor, B. M., Segay, S. (1983). Manifesto number three. *Transponance*, 18: 17—18. (In Russ.).
- Nikonova, R., Segay, S. (1986a). Veni, Vidi, Vidya. *Transponance*, 33: 94—98. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. B. (2020). *Poetry of the latest Russian poetry: monograph*. Moscow: YASK Publishing House. 1015 p. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. (2003). Where does modern Russian poetry begin and where does it end? *New literary review*, 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/gde-nachinaetsya-i-gde-zakanchivaetsya-sovremennaya-russkaya-poeziya.html> (accessed: 09.07.2021). (In Russ.).
- Ostanin, B. (1988). About three kinds of poetry (compendium-article). *Clock*, 74: 271—277. (In Russ.).
- Pankratova, E. V. (2019). *Literary strategy of the samizdat magazine “Clock”: the concept of independent literature*. PhD Diss. St. Petersburg. 251 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019). *Philosophy of culture in post-postmodernism: critical analysis: author’s abstract of Doct. Diss.* Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2007). *Russian poetry at the turn of the XX—XXI centuries*. Irkutsk: Irkutsk University. 439 p. (In Russ.).
- Postnikova, T. V. (1995). “If you wear the beginning of time in your ears...”: (Avant-garde poetry of the 80s — early 90s): bibliographic sketch. Moscow: RSL. 126 p. (In Russ.).
- Prigov, D. (1983). Not everything is clear at first sight. *Transponance*, 18: 93—98. (In Russ.).
- Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century*. Moscow: Agraf. 384 p. (In Russ.).
- Rukhlov, A. V. (2019). “Canvas 37 by 37...” *Leonid Gubanov: in search of a portrait: monograph*. Kurgan: Kurgan State University. 178 p. (In Russ.).
- Rutz (Trier), M. (2013). “Canons” of modern Russian poetry. Observations and Prospects. *Image, Dialogue, Experiment — Fields of Contemporary Russian Poetry*. München. 37—58. (In Russ.).
- Rybalchenko, T. L. (2004). *Poetry of the Second Half of the XX Century: Reader Workshop for the Course “History of Russian Literature of the XX Century”*. Tomsk: Tomsk University. 378 p. (In Russ.).
- Sabbatini, M. (2008). «*Quel che si metteva in rima*»: cultura e poesia underground a Lenigrado. Salerno : Dip. di studi ling. e lett., Univ. di Salerno. 466 p.
- Samizdat Journals — Electronic Editions. Project for the Study of Dissidence and Samizdat*. Available at: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aroot> (accessed: 08.07.2021).
- Segay, S. (1982). About the works of L. Rubinstein. *Transponance*, 11: 52—56. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (1995). Metarealism. The language of the poetry school: sociolect — idiolect/ idiostyle. In: *Essays on the history of Russian poetry of the 20th century: experiences in describing idiostyle*. Moscow: Heritage. 541—557. (In Russ.).
- Shaitanov, I. (2007). Metaphysics and Lyrics. In: *A Matter of Taste: A Book about Modern Poetry*. Moscow: Time. 85—110. (In Russ.).
- Sklyarov, O. N. (2014). *Neo-traditionalism in Russian literature of the XX century: philosophical and aesthetic intentions and artistic strategies: author’s abstract of Doct. Diss.* Moscow. 56 p. (In Russ.).

- Skoropanova, I. S. (2007). *Russian postmodernist literature*. Moscow: Flinta, Nauka. 608 p. (In Russ.).
- Skvortsov, A. E. (2011). *Reception and transformation of the poetic tradition in the work of O. Chukhontsev, A. Tsvetkov and S. Gandlevsky*: author's abstract of Doct. Diss. Kazan. 46 p. (In Russ.).
- Stahl, H., Rutz, M. (eds.). (2013). *Image, dialogue, experiment — fields of modern Russian poetry: collection of scientific works*. München. 600 p. (In Russ.).
- Stratanovsky, S. (1985/86). Black games (Letter to a friend about a new literary magazine). *Obvodnoy Canal*, 8: 195—198. (In Russ.).
- Stratanovsky, S. (1986). Something about avant-garde. *Obvodnoy Canal*, 10: 293—300. (In Russ.).
- Suicidov, I. (1981). Things that speak about ourselves. *Clock*, 31: 207—218. (In Russ.).
- Surikova, O. A. (2013). *Russian samizdat 1960—1980-ies: the fate of modernist poetry and its traditions: Moscow creative associations and periodicals*: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Tarshis, A. (1980). About the open and closed magazine “Number”. *Transponance*, 6: 55—57. (In Russ.).
- Tarshis, A. (1981). Literature is a particle of the universe. *Transponance*, 8: 9—12. (In Russ.).
- Temirshina, O. R. (2012). *Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry*. Moscow: Publishing house of the Institute of International law and econom. them. A. S. Griboedova, 290 p. (In Russ.).
- Van den Acker, R. (ed.). (2020). *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Moscow: RIPOL classic. 496 p. (In Russ.).
- Vasiliev, I. E. (2000). *Russian poetic avant-garde of the XX century*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 320 p. (In Russ.).
- Verina, U. Yu. (2019). *Renewal of the genre system of Russian poetry at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century*: author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 40 p. (In Russ.).
- Volchek, D. (ed.). (1985). Interview with Viktor Krivulin. *Mitin magazine*, 6. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/krivulin.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Vorontsova, K. V. (2013). *Models of space in E. Schwartz's poetry*: author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Yampolsky, M. B. (2015). *From chaos (Dragomoshchenko: poetry, photography, philosophy)*. St. Petersburg: Seans. 280 p. (In Russ.).
- Zaitsev, V. A., Gerasimenko, A. P. (2004). Poetry of the mid-1980s — 90s: textbook. In: *History of Russian literature of the second half of the XX century*. Moscow: Higher school. 384—419. (In Russ.).
- Zhitenev, A. A. (2012). *Poetry of neomodernism*. St. Petersburg: INAPRESS. 480 p. (In Russ.).